

ЛАНА
МЕЙЕР

Демоны
ВНУТРИ МЕНЯ 2

ИСКУПЛЕНИЕ

Игра манипуляторов

Лана Мейер

Демон внутри меня – 2

«Лана Мейер»

2020

Мейер Л.

Демон внутри меня – 2 / Л. Мейер — «Лана Мейер»,
2020 — (Игра манипуляторов)

Про таких, как Кай Стоунэм говорят – "дьявол во плоти". Обольстительный и жадный до власти конгрессмен, одержимый мстью. Но его второе «я» – Дэймон, таит в себе еще более чудовищную суть. Лейла – молодая журналистка, разрушившая его политическую карьеру парой компрометирующих статей. По воле случая, Леа попадает в «коллекцию» живых игрушек Кая Стоунэма и становится новой жертвой для его жестоких игр. Когда Кай осознает масштаб своих чувств к той, что изначально посчитал очередной «куклой», становится уже слишком поздно. Теперь, ему придется сразиться с собственной тенью, пока Дэймон не опустошит душу Лейлы до дна. В книге используется нецензурная брань.

© Мейер Л., 2020

© Лана Мейер, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лана Мейер

Демон внутри меня – 2

Пролог

А знаешь, на что ещё способен Дьявол? Наполнить человека... такой злобой и такими тёмными мыслями, что они поглощают его. Но каждый сам делает выбор: позволить тьме гноиться и расти, либо дать свету внутри пробиться и подавить тьму.(с)
(Agents of S. H. I.E.L.D.)

«Меня зовут Мелисса. Мелисса.»

Я повторяю это про себя, как мантру, когда выхожу из такси и спокойно иду по дорожке, ведущей к входу в Психиатрическую клинику Нью-Йорка.

– Меня зовут Мелисса, – произношу снова, но теперь уже вслух. Это всегда помогало мне, но ненадолго. Помогало забыть мне все, что я пережила.

Выкинуть из жизни три года не так уж и трудно, когда думаешь, что они происходили не с тобой. Именно поэтому я начала писать. Смех, да и только. Но я начала писать книгу о Лейле, тем самым пытаясь убедить себя, что Лейла всего лишь плод моего воображения.

Чудовищная фантазия, которую я выдумала.

Но каждый раз, когда я видела в отражении зеркала отметины, которые Кай навсегда оставил на моем теле, я вспоминала жуткую реальность.

Отпечатки его рук – заметные только мне, и все же заметные, до сих пор красуются под моими ребрами. Следы от его пальцев, что высечены рубцами на коже в форме полумесяцев.

Это можно запудрить, спрятать, скрыть. Над внешностью можно измываться, как угодно.

Да, из души не вычеркнуть всего кошмара, как и не вычеркнуть то, что я чувствовала, когда человек, которому я отдала свое сердце, рикошетом швырнул мне его обратно.

Поставил на колени, заставил прилюдно ублажать другого. Когда-то я была для него рабой, вещью.

А потом Кай Стоунэм стал для меня всем.

В те дни.

В те дни, когда мы держались за руки, провожая закаты над небоскребами Нью-Йорка в саду на вершине сотого этажа. В том самом саду, где он помог мне понять все, и принять то, что нуждаюсь в этом мужчине.

В те дни, когда он целовал каждый шрам на моем теле, который оставил не он.

В те дни, когда мы жили вместе, как семья, и казалось, это будет длиться вечно.

В те самые дни, когда я наконец узнала многие из его тайн и доверила ему все свои мечты, которые Кай воплощал в жизнь.

Я до сих пор помню капли дождя на наших телах, и то, как он берет меня на руки. Помню, каждое слово и прикосновение. За последние три года своей жизни я столько раз падала вниз, столько раз поднималась до звезд. Вместе с ним.

Наверное, я слишком быстро поверила в сказку, которая стала нашей реальностью. На несколько дней, мгновений. Это была наша бесконечность.

Безумная бесконечность.

Когда наша вселенная умирала, я знала, что это навсегда. И не думала, что приду к нему сама, что мы снова встретимся.

Мне необходимо увидеть Кая.

Я должна. Должна дописать нашу историю. Силы и вдохновение покинули меня без него, поэтому нужен... в последний раз.

Моя маленькая месть. Небольшая доза эйфории, наркотика и вдохновения.

Осталось всего несколько строк...

И я мечтала о том, чтобы Кай Стоунэм упал в мои ноги, когда увидит меня ТАКОЙ.

На мне белая легкая блуза с открытыми плечами и рукавами фонариками. Юбка-карандаш до колена с молнией спереди, вытягивающая и без того длинные ноги. Лабутены, красная помада, и роскошная укладка. Я выгляжу... как модель с обложки.

Кого я обманываю?

Я выгляжу, как кукла. Но разве не этого хотел Стоунэм?

И в то же время я выгляжу сильной, гордой и независимой. Я хочу чтобы он видел, что ему не удалось меня сломать. Присвоить.

Но знаю, что вся иллюзия моей силы разрушится, как только я загляну в бездну его манящих и притягательно дьявольских глаз.

Я показываю пресс карту администратору клиники, расплываясь в улыбке.

– К мистеру Стоунэму, пожалуйста.

– Вы уверены, мисс? – молодая девушка на ресепшене явно в смятении. Конечно, ведь то, что Стоунэм находится в психушке, должно быть тайной для всех. А тут журналистка пожаловала.

– Уверена. Можете не притворяться, Синтия. Я знаю все про этого пациента и уверяю вас, мне необходимо быть у него ровно через две минуты, – хладнокровно сообщаю я, постукивая ногтями по столешнице.

Я сама себе отвратительна. Я отвратительна Лейле... но стерва Мелисса вернулась и не собиралась падать в ноги своему монстру.

– Хорошо, хорошо. К нему... можно, – после короткого звонка девушка сжалась. Я направилась за ней по белоснежным коридорам клиники, то и дело замечая странных личностей. Кто-то истошно орал ругательства, когда мы проходили мимо столовой... кто-то кричал о том, что он «нормальный» и его срочно нужно выпустить отсюда.

Страшно подумать о том, что еще бы чуть-чуть... Еще совсем немного, и я бы тоже слонялась по стенам этой клиники. А Кай? Он бы жил, продолжая и дальше коллекционировать своих живых игрушек.

– Если что, вы можете нажать красную кнопку на стене, – предупредила меня Синтия, улыбнувшись скромной и тихой улыбкой. Еще одна будущая жертва. Девочке нужно быть поосторожней и не задерживаться на улицах города после полуночи...

Администратор открыла полностью стеклянную дверь, впуская меня в белоснежную комнату с мягкими стенами.

Кровь стыла в жилах от такого зрелища.

Стены помещения были обиты подушками, интерьер скромный: кровать и кресло. Белоснежные, чистые. Такие, какими никогда не будет душа человека, восседающего на кресле.

Он не сразу поднимает на меня взгляд. Клянусь, лучше бы он этого не делал.

Я смотрю на Кая, чувствуя, как органы внутри шевелятся словно змеи. Пути волнения съедают меня изнутри, нижняя губа предательски трепещет.

Он чертовски сексуален даже в белом одеянии – хлопковые штаны и рубаха. Он похож на принца из фильмов о эпохе семнадцатого века – они спали в похожей одежде. Рубаха ему велика, и я могу видеть четкие ключицы, в которые столько раз впивалась зубами в порыве оргазма.

Нас разделяют считанные шаги, и вся моя решительно падает перед моим создателем и королем.

Ты не Леа.

Она жалобно скулит, лезет и царапает стенку, бьется в агонии, мечтая дотронуться до него лишь кончиками пальцев...

Но ее боль впереди. Ее боль там – во взгляде каре-зеленой бездны. Кай, наконец, поднимает глаза и смотрит на меня.

– Вот мы и встретились, Стоунэм, – несмотря на все мои старания, понимаю, что ему ничего не стоит прочесть по моему голосу ВСЕ, что ему нужно. И дрожь, и боль, и боготворение.

Но его равнодушный, пустой, холодный, как снега Арктики взгляд отталкивает меня не хуже массивного кулака Кая.

Это была не маска. Не специально сыгранный, смоделированный взгляд, желающий меня задеть, как это бывало прежде.

Взгляд праведный, спокойный, сдержанный. За пеленой зеленых глаз нет психа, что призывал меня к кровати и трахал в рот. Там нет психа, что говорил мне грязные вещи, избивал ремнем и унижал раз за разом.

Это не Кай. Не мой Кай. Это...

Сердце разлетается на куски, не веря в то, что я не обрела того, чего так долго хотела. Я даже не пригубила свою Вендетту...

Он играет? Неужели играет? Но зачем, Кай? Так далеко зашел в своих играх? Уже испробовал все, что мог, и не знал, как ударить больнее?

У тебя получилось.

Лучше бы он бил. Лучше бы кричал. Лучше бы кинулся ко мне, горя в агонии и злости. Ненавидел бы. Плевал бы в лицо.

Присвоил, клеймил, как раньше. Но не глядел бы на меня так, будто видит впервые.

Будто нас не связывает не единое воспоминание.

Не единое!

Нет...нет...пожалуйста.

Мой милый. Вернись...вернись ко мне.

Я задыхаюсь, но Каю мало. Он хочет нанести последний удар, загнать кол в мое итак бездыханное, полуживое, разбитое сердце. Он хочет добить осколки.

Я слышу голос моего мужчины, но вижу то, что его больше нет. И этот голос заставляет ВСПОМНИТЬ все и трепетать, но в то же время осознавать, насколько другим он звучит.

Это не мой король и моя боль.

– Я вас знаю? – это все, что звучит из его уст в сочетании с совершенно сдержанным взглядом в мою сторону.

Я едва стою на ногах, чтобы не загнуться от боли, что заражает мое сердце.

Глава 1

Кай

Египет, 2027 год (после событий романа «Демон внутри меня» прошел год, который Кай провел сначала в Штатах, потом в Египте и на острове Бали)

Мне слишком хорошо знакомо это чувство. Я прожил с ним всю жизнь.

Давление на виски до разрыва вен на лбу, перекрытие кислорода в легких.

Мне приходится прикладывать все свои силы, чтобы двигаться вперед. Несмотря на мою физическую подготовку и форму, мне действительно тяжело. Баттал – наш гид, предупреждал об этом.

Мы все должны пройти через муки, подобные тем, что испытываем, когда рождаемся, чтобы получить шанс на отпущение грехов.

Лишь бы успеть до рассвета.

Периодически оглядываясь назад, я вижу позади себя вереницу из задыхающихся и запыхавшихся людей. Мы поднимаемся к звездам почти в кромешной тьме.

Взойти на гору Синай высотой 2285 метров не было моим спонтанным решением. Я всегда знал об этом месте. Согласно Библейским рассказам именно здесь Бог явился Моисею и дал Десять заповедей.

По преданию тот, кто сможет взойти на вершину, получит отпущение всех грехов с рассветом.

Я думал о всех этих людях, что плетутся позади меня и гида. Паломниках, глубоко верующих и просто туристах.

Что гложет их настолько сильно, что они по своей воле взбираются на гору, чтобы просто встретить рассвет? Свято верят в то, что Бог отпустит им все грехи?

Я думал не конкретно об этих людях, а о том, что едва ли среди всей этой толпы здесь есть тот человек, который не в курсе, сколько непростительных грехов он совершил. Они по крайней мере отдавали себе отчет в своих действиях.

Деймон совершил много ужасных поступков. Я совершил. Но я... «настоящий я» бы никогда не лишил человека жизни. По крайней мере, очень на это надеялся.

Бывало, в порыве гнева я часто хотел причинить боль, истязать. Но не перейти за грань.

Единственный человек, которому бы я пустил пулю в висок, был Деймон. Демон, что сидел внутри меня всю жизнь и питался моими самыми яркими эмоциями, оставляя в душе лишь ненависть.

Иногда я думал о том, чтобы это было бы единственным верным решением. Лучше бы я дал тот пистолет в руки Леа и позволил бы ей убить меня.

Я бы хотел прикоснуться к ее губам вместо последнего слова, а там уже и умереть не жалко.

Но все изменилось. Я бы мог убить. За Леа. Если бы этой девочке угрожала опасность, я бы уже не рассуждал здравым смыслом.

И этого молокососа Кристиана. Одного кадра из воспоминаний хватит мне, чтобы представить, как холостая пробивает его узкий лоб.

Гребанный придурок. Воспользовался Леа. Воспользовался моей девочкой, моей игрушкой.

Только я могу причинять этой девочке боль... И я уже причинил. Придет время и мне придется ответить за каждый свой поступок и поступок Деймона, чтобы вернуть ее.

Мои чувства к Леа были монетой, что крутилась и падала вверх то одной, то другой стороной – иногда светлой, когда мне казалось, что я беззаветно влюбился в нее, как обезумевший подросток.

Да. Полюбил одну из своих экспериментальных девочек, кукол, на которых годами отрабатывал техники программирования.

Порой сторона выпадала темная, и мне хотелось вцепиться зубами в ее нежную шею и растерзать, при этом приговаривая, как сильно я ее ненавижу.

Как хочу наказать за то, что ее губы вытворяли с другим...

Но нет. Я, конечно, ублюдок, но в состоянии осознать, что у девушки не было выбора. Я хочу побороться. Слишком поздно понял, что мне не нужна запрограммированная кукла, жаждущая меня только потому, что я внушил ей желать. Я хотел быть ее осознанным выбором. Ее настоящим выбором.

Почему понадобилось столько времени, чтобы прийти к такому выводу? Я не знаю. Мы часто совершаем ошибки. Говорим, не думая. Делаем, рубим с плеча. Я был одержим мыслью подчинить ее, но она все переиграла. Наверное в тот момент, когда я увидел ее крылья на дне ванной, в моем мозгу что-то переключилось. Переключило.

Мне искренне хочется верить, что в тот момент все изменилось: моя душа приостановила свое разрушение, которое длилось многие годы. Возможно даже, начала постепенно становиться цельной.

Я ухватился за канат, который Леа, сама того не зная, бросила в мою яму с демонами, и собирался любой ценой выползти наружу.

Желательно новым, полноценным человеком.

Но едва ли я исправим. Искреннего раскаяния здесь мало. Леа нужны поступки.

Я не знаю, КАКИЕ поступки смогут перечеркнуть все, что я сделал с кисой. Я могу сделать только хуже.

Ведь не могу, не умею любить и проявлять свои чувства так, как нормальные люди.

Я пытался лечиться, вернувшись в Штаты, и кое-что удалось прояснить: обрывки воспоминаний из детства стали более яркими и живыми. Но как только я начинал подбираться к разгадке, голова отключалась. Провал в памяти за провалом.

Сидеть в психушке или тюрьме я все же не собирался. Все, что у них есть на меня, это записка с угрозой, которую Деймон оставил Лейле. Это был еще один кусочек распавшегося пазла.

Записку «другой я» положил в цветы и наверняка добавил яду в виде фотографий, которые довели Лейлу до попытки самоубийства. В глазах Леа я – безумец с тягой к извращенным удовольствиям. Представляю ее состояние, когда она поняла, что я занимаюсь подобным бля*ством, а сам прошу жить, дышать мной, и боготворить меня. Она просто не выдержала такого предательства. Этот кошмар достоин более грязных ругательств, но правда в том, что не я управлял своим телом во время подобных фотосессий. Я, конечно, не святой, но не заводят меня предпочтения Деймона.

Гребанный извращенец.

Экспертиза показала, что подчерк на записке не мой, поэтому с меня сняли все обвинения. Еще бы. Это был подчерк Дейма.

Лидия убила себя сама. Вот что я точно вспомнил на последних сеансах психотерапии. Это был настоящий прорыв. На какое-то время я будто соединился со вторым своим «я» и все вспомнил. У нас с женой намечалась горячая ночь, и мы всегда любили ролевые игры. Она умоляла связать ее, более того, она сама звала Деймона, потому что была одержима им.

Но даже Дей бы не убил Лидию. И он этого не делал. Я вспомнил, как Лидия шептала в порыве страсти, чтобы он пообещал... пообещал больше не возвращаться в свой злачный клуб. Обещала ему, что заменит ему ВСЕХ этих девушек, от чего он разозлился и наговорил ей грубостей. И чтобы не придушить ее в порыве ярости, Дейм вышел из номера.

Эти воспоминания были невероятны. Даже у Деймона, как оказалось, есть сердце. Пусть дохлое и безобразное, но хоть наполненное какими-то чувствами к человеку. Понятия не имею, почему он так проникся к Лидии.

Она покончила с собой даже не из-за ссоры и его грубости, а потому, что просто не выдержала. Устала бороться с моими демонами, да и со своими тоже.

У Лидии было слишком тяжелое детство и жизнь. Она стала психиатром, чтобы понять проблемы в своей душе, но в итоге сделала себе только хуже.

Любовь к Деймону ее добила.

Но не я ее задушил.

Я продолжал лечение, понимая только то, что не могу даже думать о Лейле, пока хоть немного не соберу свое сознание. Нельзя подвергать ее новому риску.

Но никогда не переставал за ней наблюдать. Многие из ее поступков расстраивало меня, но у нас еще будет время обсудить это... Она и Аксель Честер.

Хм, серьезно? Девочка моя. Серьезно думаешь, что сможешь быть с другим?

Оставался только вопрос: хватит ли жизни на то, чтобы стать цельным?

Могу ли я полностью понять свое «я», пока мое подсознание упорно не хочет принимать то, что случилось со мной в далеком детстве?

Годами я строил догадки. Пытался найти ответы, зная, что они лежат на поверхности. Отец сделал что-то ужасное в ту ночь в террариуме. Я помню запах крови.

И только я знаю о своих шрамах, которые пришлось закрыть татуировками крыльев. На руках, на лопатках и шее. Когда краска начинала слезать, я корректировал татуировку, чтобы никто не догадался.

До этого все девушки доставали меня с вопросами о них. Это раздражало.

Я думал о той ночи в амбаре спокойно и трезво, сохраняя здравый рассудок.

Но одно дело – лишь представлять то, что отец совершил, и другое дело вспомнить все до конца. Полностью погрузиться в тело пятилетнего мальчика и увидеть все своими глазами до мелочей.

Лидия считала, что, только приняв это воспоминание, я смогу отчасти побороть Деймона. Она никогда не скрывала от меня, что он едва ли когда-нибудь покинет мой разум. Но изменить ход его мыслей, сделать его мысли своими, синхронизировать и убрать его склонность к насилию... это возможно.

Нужен якорь, чтобы постоянно удерживать свое сознание в необходимой мне форме. Это как причалить на корабле к одному берегу, осознать, что тебе там понравилось, и остаться там навсегда.

Голубая лагуна. Думая об острове и голубой воде, я не могу не вспоминать о глазах Леа и не размышлять о том, что бы я делал с ней долгие длинные ночи напролет, зажимая под собой на песке под размашистой пальмой.

Баттал поглядывает на меня с осуждением: я свернул с дороги и едва ли добьюсь отпущения грехов. Поднимаясь на гору, я должен молить о прощении и искуплении грехов, а никак не думать о том, что буду совершать новые.

Этот смуглый, молодой парнишка, который взбирается на гору легко и быстро, чувствует себя здесь, как рыба в воде. Знает каждый камень даже в темноте.

Синай – место, которое невозможно забыть. Стоит всего один раз взглянуть на мириады звезд над головой, и понять: может, поднявшись на гору, ты не обретешь Бога внутри себя, но

этот вид запомнишь на всю жизнь. Это точно. Звезды здесь падали каждую минуту – пролетали в плотном скоплении за одну секунду и навсегда исчезали.

Мертвые звезды.

– Боже! – ломанный английский резанул по ушам. Женский истошный крик пронзил мой слух, и я обернулся, ища источник паники. – Помогите! Она упадет! Моя девочка.

В полной темноте, не разбирая дороги, огибая попадающихся мне на пути людей, даже не задевая их, я прибыл к источнику криков. Горел слабый свет от фонариков, что некоторые путники несли в руках.

– Derjis, Veronika... derjis! – шептала женщина, глядя на то, как ее дочь отчаянно хватается за выступ горы, норовя вот-вот сорваться в бескрайнюю и темную бездну.

Спасать девочку сродни самоубийству, но мне плевать. Она в панике и может в любую из секунд потянуть меня за собой, к тому же здесь настолько темно, что я едва вижу дрожащие руки ребенка.

Осторожно ступаю по камням, что мешают спокойно вытащить Веронику.

Это самый край бездны. Сколько раз мы с Леа ходили по краю? Балансировали на самом краю бездны и астрала?

Тысячи.

Но я не собирался падать туда без нее.

– Держись, Вероника, – о черт. Девочка отпустила одну руку. Я не видел лица, слышал только то, что она плачет. Почему ребенок вообще стал подниматься на гору?!

Я схватил ее за запястье и, не разбирая ничего перед собой, едва не упав сам, вытянул Веронику наверх.

– Mamochka! – запищал маленький комоч в белом пуховике. Ночью в горах было холодно. – Mamochka! Ya lublu tebya!

– Боже, я так испугалась за тебя, детка, – я не понимал, о чем, говорит женщина. Но она явно говорила на русском языке – грубое произношение, как будто она произносит слова не любви, а ругательства.

– Спасибо. Вы спасли нашу жизнь. Мою жизнь, – прошептала женщина на ломанном английском. Наши взгляды лишь на мгновение встретились, я только кивнул в ответ и снова прикрыл голову и лицо широким капюшоном.

Мне часто приходилось скрываться в последнее время. У меня было десятки врагов, и передвигаться без охраны, пусть даже по Египту, совсем небезопасно.

Хотя вряд ли кто-то знал, что я здесь.

Я поборол искушение заглянуть в телефон и посмотреть, где находится ОНА. В последний раз, когда я делала это, Лейла была в Бруклине. Наверное, рада радешенька вернуться в свою развалину, где ее снова изнасиловал один из дружков брата.

Это то, чего ты хотела, киса? Чтобы тебя насиловал не я, а провонявший травой бедный хмырь или Аксель Честер? Готова отдаваться за бесплатно? Только попробуй развести перед кем-то свои стройные ножки...

Закипаю.

Я со злостью поморщил нос, сжимая кулаки до боли. Каждый шаг превратился в настоящую муку, будто сам Бог добавлял мне камни на плечи. Будто напоминал, насколько чудовищны и греховны сейчас мои мысли.

Еще две минуты назад я думал о Леа совсем в другом ключе.

Если бы она была для меня дыркой, шлюхой, прохожей... одной из тех девчонок, на которых я проводил свои эксперименты со времен колледжа.

Мне всегда было интересно, насколько сильно они падут к моим коленям. Насколько сильно станут Боготворить меня, благодаря воздействиям на их нежный и наивный мозг.

Каждый раз я выбирал себе более непонятную и труднодоступную жертву. Жертву, способную отвечать и бороться, и в то же время быть податливой и стать украшением моей коллекции.

Мой отец коллекционировал пауков, скорпионов и змей.

Я коллекционировал девушек. Но ни одну из них я не мучал...против их воли. Они влюблялись в меня, желали. Сходили с ума и сами умоляли о том, чтобы я творил с ними все, что угодно.

Я никогда не переходил черту. Это делал за меня Деймон.

Поэтому, когда в моей коллекции появилась Леа, угомонившийся Дей ожил вновь.

Мой падший ангел. Леа Харт.

Но даже у самого опытного коллекционера есть «венец», украшающий всю коллекцию, и годы, что он потратил, собирая ее. И когда ты знаешь, что тебя лишили любимой игрушки, пойдешь на все, чтобы вернуть ее.

Как бы мне не было больно это признавать, и как бы я не хотел исправиться, я, Я, а не Деймон, жаждет ее крови. И ее счастья одновременно.

Я не исправим.

Это была моя последняя мысль, когда Баттал в очередной раз поглядел на меня с презрением.

В дальнейшем на гору я поднимался, думая о том, что спас маленькую русскую девочку возраста Энджи.

Но это не повернет время вспять и не исправит моих ошибок. И даже поднятие на гору Синай не избавит меня от тяжести этого греха.

Да, Баттал сказал, что любые грехи будут прощены и отпущены. Не знаю, для красного слова он это сказал или нет, но это место действительно священо и удивительно.

Но я знал одно: этот грех не уберет и не простит никто. Даже Бог. Даже если ты сам считаешь себя Богом. Богом среди Богов.

Ничто не поможет.

Пока ты не простишь себя.

А я никогда не прощу Деймона, который является моей частью, клоном, отражением.

И никакие психические отклонения не способны оправдать эти поступки в моих глазах и в глазах Леа.

* * *

Мы едва успеваем подняться на вершину до рассвета.

Я смотрю, как солнце поднимается из-за линии горизонта и раскрашивает сумеречного цвета горы в красновато-желтый. Земля напоминает поверхность Марса.

И впервые...за долгое время я ловлю это чувство. Чувство, что я в гармонии. Я один в этом теле. Мое «Я» изначально, первозданно. Кажется, что нет прошлого и будущего.

Может, это и есть отпущение грехов.

Я просто стою на вершине, делая глубокие, жадные вдохи. Расправляю руки, забитые двумя крыльями, и чувствую...тепло в груди.

Прикосновение Бога.

И оно не разрушает меня.

Как только солнце полностью встает, мои руки опускаются. Я вновь чувствую приход тьмы, злости, ненависти...обида на отца. Вспоминаю все самое ужасное и плохое. Вспоминаю лицо своей безумной матери, а точнее, то что от нее осталось. Она овощ, манекен, сбой в матрице. Не жива, ни мертва.

Вспоминаю Леа, что стоит на коленях. Осколки разбросаны по столу, а ее рот... губы отдают себя другому мужчине с похотливой и дикой улыбкой.

Как она могла...? Как могла. В ее глазах было столько похоти. Я ее научил?

Но я учил ее не этому. Она разрешила меня без подручных средств, одним чертовым выражением этой порочной похоти в глазах.

Она должна была давиться, рыдать, захлебываться. Все в ее организме должно было отвергать ЭТО. Она должна была умолять и плакать. Но она этого не сделала.

Помогла сдать меня копам.

Моя девочка.

Такая сильная. Не сделай она этого, я бы наверное давно на нее забил. Но Лейла всегда выкидывала что-нибудь в моем же духе, и мне это нравилось. Мои любимые американские горки. Я, как и любой человек, жаден, как черт, когда дело доходит до эмоций.

Леа была девочкой с характером, стержнем внутри. Я много раз пересмотрел видео от Деймона и каждый раз страдал и даже кайфовал от того, что способен на такую зверскую ревность. Но каждый раз я начинал видеть больше – Леа специально работает на камеру.

Нормальная защитная реакция на психопата. Как тогда в машине. Она не хотела распускать слюни, не хотела дарить слезы моему демону, который только этого и ждал.

Как бы мерзко это не звучало, выбора у Леа не было. Злость на нее постепенно начала рассеиваться, а желание реабилитироваться в ее глазах возрастало.

Если заткнуть голос своей ревности, произошедшее не самое худшее, что могло случиться. Судя по предпочтениям Деймона, он мог бы придумать более извращенную пытку.

Она была невинна, внутри Лейлы был только я. Пока... только я. Надеюсь, она не натворила новых глупостей, которые могут разбудить во мне зверя.

Потому что, если нет, я готов положить к ее ногам весь мир, чтобы быть с ней.

«Думал, поднятия на горку достаточно, чтобы изгнать меня, Кай? Как бы не так. Я твой вечный Демон. Я всегда ближе, чем ты думаешь.»

– Зато я всегда на два шага впереди, – бормочу под нос, любуясь видом в последний раз. Разворачиваюсь и иду в небольшой шалаш, где меня уже ждут остальные «грешники».

Может быть, Бог действительно отпустил мои грехи в тот момент, когда, стоя на вершине, я стал абсолютным светом. На доли секунд.

Не зря говорят, что Бог внутри нас. Кажется, во мне слишком много Дьявола, что даже Бог меня оставил. И я не виню его за это.

Но он отвернулся вновь, потому что мой разум снова посетили грешные мысли. И уже к вечеру, когда я спущусь с горы и буду засыпать в старом мотеле, на моем счету будут сотни грехов.

Ну, по крайней мере, не миллионы, сколько их набежало за тридцать пять лет моей жизни. Двух жизней.

Глава 2

Лейла

Год спустя

– Я стараюсь собрать душу по кусочкам. Пытаюсь найти ответы, понять, почему все это произошло со мной, – мне трудно смотреть в глаза женщине, что сидит напротив. Знаю, что если взгляну на ее лицо и увижу то бескрайнее сочувствие, которое уже замечала прежде – расплачусь.

Но я просто устала плакать.

Слезам не выплакать душевную боль таких масштабов, а вот мигрень и полопавшиеся на белках сосуды продолжали быть бессменными спутниками моей жизни. Знаю, что выгляжу хорошо – я наконец-то одета в удобные джинсы и скромную клетчатую рубашку. Надевая это сегодня утром, я так и видела рядом с собой Стоунэма, скептически оглядывающего меня с ног до головы.

Наверное, он был бы не рад такому наряду. Стоунэм бы отвесил пару комплиментов моей заднице, а потом бы сорвал с меня всю одежду, оставляя нагой и беззащитной.

Да. Я по-прежнему ощущала его присутствие в своей жизни. Всегда. Каждый час. Каждый миг. Каждую секунду я чувствовала, как он стоит за спиной и дышит мне в затылок. Держит в руках мою шею и наблюдает. Глядит в душу своими чудовищно магнетическими глазами, прекрасными в своей не идеальности.

Я убегала от Кая. Это снилось мне каждый день. Как я бегу от него, но каждый раз он ловит меня, сгребает в охапку, сжимая до боли в косточках, и хочет что-то сказать. А потом я просыпаюсь. Но выражение его лица... оно пугает меня.

Сломленное. Потерянное. Наверное, мое подсознание выдает желаемое за действительное. Я хочу видеть Кая таким, но знаю, что не увижу. Подонок с легкостью избежит тюрьмы благодаря деньгам и связям, а может уже ее избежал. Все, что произошло в Австрии – блажь, лишь победа в маленьком бою, которая ведет к сокрушительному поражению в настоящей войне.

Играть с Каем в его же игры, это все равно, что играть с компьютером, идеальным механизмом, который наперед знает все твои ходы. Обыграть его почти невозможно.

Женщина – мой психотерапевт, Диана Райс, не перебивает меня, пока я отвечаю на ее вопрос. Это, пожалуй, самый понимающий, самый спокойный и мудрый человек, которого я встречала в своей жизни. Диана излучала ауру выдержки и полной психической уравновешенности, которой мне так не хватало. Несмотря на свои сорок пять лет, она выглядела великолепно в синем костюме, сидящем на ней, как влитой. Платинового цвета волосы, собранные в аккуратную прическу, открывали ее умиротворенное лицо. Потрясающая женщина. И я плачу ей почти все деньги, что у меня есть – я могла нанять кого-то гораздо дешевле. Но Акс и Мейсон настояли на одном из лучших психотерапевтов в городе. И Кристиан. Он что-то вякал, что волнуется и беспокоится за меня, до тех пор, пока я не влепила ему увесистую пощечину.

И мне понравилось. Жаль, я не могла быть такой смелой и стержневой со Стоунэмом. Наверное, потому что даже, когда я била его, он кайфовал. Демон только этого и ждал – моих ударов, эмоций и любых проявлений чувств.

– Я чувствую здесь такую бездну, – мне все труднее сдерживать слезы. Ладонь ложится на левую сторону груди, и я царапаю себя так, словно хочу порвать рубашку. Губы предатель-

ски дрожат. Жалкая. – Огромную черную дыру, которая высасывает из меня остатки жизни, оставляя после себя лишь пустоту, – всхлипываю, пытаюсь...сдержаться.

– Мелисса, ты не должна держать все в себе. Поплачь, – вздрагиваю, когда слышу свое старое имя. Оно никогда мне не нравилось. Леа...вот что мне нравилось. Это имя идеально подходило мне, все внутри отзывалось на эти три буквы, создающие нежный звук.

– Я не могу плакать. Слез нет. Лишь жалкие потуги заплакать. А знаете почему? Потому что я ничего не чувствую. Я ненавижу его всей душой. **НЕНАВИЖУ** настолько, что будь у меня силы, я бы свернула Стоунэму шею, не задумываясь. Но я ничего не чувствую. Когда его нет рядом. Ничего не чувствую с тех пор, как видела ублюдка в последний раз. Он выдрал мое сердце с тем проклятым последним поцелуем. Выдрал и утащил с собой, чтобы хранить его, как трофей. Мне остается только...бегать, как белка в колесе, чтобы не ощущать пустоты внутри.

– Мелисса, тебе стоит признать одну вещь.

– Какую же? – я, наконец, решаюсь посмотреть Диане в глаза и вижу там сожаление. Она профессионал, но уверена, что от моей истории даже у нее надорвало сердце.

– О том, что Кай внушил, выработал, вывел тебя на сильные эмоции с помощью специальных техник, я тебе уже рассказывала.

Я нервно замотала головой, зажмурившись.

– Но если бы ты не была так склонна к его влиянию, они бы вряд ли сработали настолько сильно. Тебе нужна эта боль, чтобы почувствовать, что ты жива. Что ты способна чувствовать, быть женщиной, а не сухарем, который штампует статьи от скуки, желая таким образом отщипнуть свою дозу вкуса жизни и адреналина. У каждого своя отдушина. Тебе необходимо внимание, которого ты всю жизнь была лишена. Получала лишь от брата, который по сути и являлся первым мужчиной в жизни. Ты видела своего слабого духом отца и понимала, что он куда слабее тебя. Слабее девушки, которая сама накопила на колледж и пробилась в люди. Сделала так, чтобы об обычной девчонке из приюта хоть кто-то заговорил. Ты все потащила на себе. А с другой стороны у тебя был брат – сильный, смелый, способный убить за тебя. Мейсон всегда был для тебя неким пределом мечтаний, и ты всех своих потенциальных партнеров сравнивала с ним, пусть даже не осознавала этого. И все они стояли на несколько ступеней ниже тебя. Ты никогда не тянулась к этим мужчинам, ибо спуск по лестнице саморазвития, это путь в никуда для человеческой души. Ты всегда стремилась вверх, поэтому, несмотря на все, что творил с тобой Стоунэм, ты тянулась к нему, как к защитнику, к той самой стене, которую, наверное, хочет видеть рядом с собой каждая женщина. И к той стене, на которую тебе хочется взобраться, покорить. Доказывать людям, чего ты стоишь, без конца совершенствуясь. Это черта твоего характера. Но важно лишь то, как ты выглядишь в своих глазах.

– ОН бил меня! Унижал! Он растоптал меня и расколол душу! Извел, выпил залпом! Он съел мое сердце..., – я зажмурилась еще сильнее, закрыв глаза. Царапая грудь, ловя губами горячие слезы, которые вернулись ко мне. – За что?!

– Ты можешь не чувствовать эту боль. То, что сделал Кай, непростительно, но то, что чувствуешь ты, только в твоих руках. Ты выбираешь. И ты выбираешь, чтобы было больно. Эмоциональная боль длится 12 минут. Всё остальное – самовнушение, наш мазохизм. Ты хочешь эту боль, и тебе омерзительна пустота. И поэтому ты готова часами вспоминать все, что он с тобой сделал, лишь бы найти причины жить дальше...потому что без Кая ты не чувствуешь жизни. Тебе нужно найти себя за его пределами, но на это нужно время.

– Я не понимаю, как я могу выбирать боль... Вы издеваетесь надо мной, Диана..., – хрипло шепчу, качая головой. Так хочется стать маленьким ребенком и расплакаться на груди у кого-нибудь. У Стоунэма.

Чтобы он покачал меня в своих объятиях. Шептал, без конца шептал мне, что больше такого никогда не повторится.

Как мало нужно для счастья.

Достаточно того, чтобы самый близкий в мире тебе человек бы сказал: «теперь все будет хорошо. А если будет плохо, я разделю это с тобой.»

А Кай и был мне самым близким, как бы чудовищно это не звучало. И не только физически. Он знал все родинки на моем теле, как и знал все мелодии и мотивы, звучащие в моей душе. Он и сам играл их, потому что изучил все мои ноты...

И я знала его. Пусть не полностью, пусть не целиком, но я знала Кая. Чувствовала. К концу наших «отношений» я начала читать по его глазам, которые для всех оставались загадкой.

А тогда, в последний раз...его взгляд был полон любви, тоски. В тот момент, когда он разрушил и раздавил меня, перенес в руины собственной души, я увидела: он сломан тоже. И сломан давно, гораздо раньше, чем я. И Кай затянул меня в порочный храм своей души, возможно, чтобы я была его музой, его вдохновением, для взведения новых стен этого храма. Но что-то пошло не так...

Просто так бывает. Утопающий всегда тянет за собой кого-то. И Кай потянул меня. А я не спасла его.

Как бы там ни было, Кай оставался для меня двуликим – Каем, который был способен на чувства и уязвимость, и Каем, который унизил, надругался, осквернил меня...второго я ненавидела всем сердцем.

– Не издеваюсь. Мелисса, это суть женщины. Природа. Многие клиентки на моих сеансах готовы отрицать это с пеной у рта, но первобытные установки в любой здоровой женщине таковы, что она хочет подчиняться. Она хочет быть в какой-то степени плененной и покоренной. Сейчас, в современном мире, все настолько поменялось. Сильные женщины, слабые мужчины. В Кае есть это – внутри него, как бы это выразиться, сидит тот самый вождь племени, сильный самец, готовый растерзать всех врагов и соперников, лишь бы защитить и покрасоваться перед своей самкой. И это подкупает. Когда женщина встречает такого мужчину, в ней просыпаются первобытные инстинкты – это то, что существовало десятками тысяч лет, и уже не искоренить. С этим бесполезно бороться. Также и мужчина...когда он видит девушку, женственную, способную подарить любовь, которую нужно заслужить боем и приложить усилия, в нем просыпаются его древние программы.

– То есть вы защищаете его? Считаете, что то, что он сделал, это нормально?

– Ни в коем случае, Мелиса. Мы живем не в каменном веке. Я просто пытаюсь объяснить тебе, почему тебе нравится боль и подчинение. Ты едва ли будешь счастлива с человеком, который носит тебя на руках и сдувает пылинки с твоих платьев. Это нужно просто принять. Почему только доминант пробудил в тебе...женственность? Открыл дорогу к сексуальности? Сексуальная энергия лежит в основе жизненной энергии. И поэтому...ты никогда не будешь чувствовать себя живой, настоящей женщиной рядом с простым мужчиной, без диктаторских и тиранских черт характера.

– Ну и что мне делать?! Вы должны меня лечить...это же можно вылечить?! – я не понимала к чему клонит Диана.

– Оздоровление души и психики лежит через принятие. Когда вся ситуация разложена по полочкам, когда ясна причинно следственная связь...ты смотришь на нее с другой стороны. Я рассказала тебе о сексуальной составляющей, которую ты принимаешь за любовь. Как и любая наивная девочка...веришь в сказки. Мистер Стоунэм выдрессировал в тебе определённые рефлексy, привязал десятки удобных ему реакций твоего тела и души. Все, что ты должна осознать, это то, что он перепрограммировал твой мозг не на саморазвитие, а на то, чтобы он стал центром твоей Вселенной. Кай хотел, чтобы вся твоя жизнь, все твои мысли крутились вокруг него, и ему это удалось. Возможно, это никогда не пройдет бесследно. Мозг человека – загадка, и столь сильное эмоциональное влияние убрать навсегда довольно сложно. Но вер-

нуть старые программы можно тоже. Пока ты на правильно пути, Мелисса. Ты выполняешь все мои задания?

Я кивнула, пытаюсь обдумать все, что сказала мне Диана. Она как всегда подкинула мне новую пищу для размышлений, и даже в метро я, наконец, думала не о Стоунэме, а о каждом слове Дианы, что она произнесла за все время работы со мной.

Я выполняла задания доктора: ходила в группу психологической поддержки, нашла себе любимое занятие – стала волонтером в приюте, помогала маленьким детям. Я занималась спортом, много читала, изучала немецкий язык – по сути, у меня не было не единой секунды свободного времени.

Я окунулась в головной убор в работу и новые отношения. После месяцев слез и поисков работы, я, наконец, перестала размазывать слезы и устроилась в журнал о моде – вела колонку о косметических новинках.

Как я нашла место в своем сердце для Акселя?

Никак. Я просто нуждалась в том, чтобы быть рядом с кем-то. Пробыв с мужчиной так долго, я уже не могла быть одна. Я встала на кривую дорожку, как все свои подруги, что зачастую встречались с парнями чисто из страха остаться одинокой до старости лет.

Вот и я оказалась там же. Несчастливая, не пускающая партнера в свое сердце, а лишь в свою постель. Зато не одна.

Я старалась заполнить пустоту в душе любой пищей для ума. Но ела я ее слишком быстро. Демоническое отродье, зараза, что оставил там Кай, пожирало все живое с бешеной скоростью, и пустота возвращалась.

Каждый раз.

На улице стемнело, когда я вышла на Конни Айленд и направилась к своему дому. Абсолютная тишина и тьма. Только небольшие фонари у жилых домов освещают мой путь. Кутаюсь в шарф, стараясь защититься от пробирающего до костей промозглого ветра, и замечаю собственную тень на асфальте.

Нехорошее предчувствие зародилось в центре живота. Нехорошее чувство. Будто мне кишки наизнанку выворачивают.

В последнее время я все больше боялась ходить по улицам. Снова. У меня было постоянное чувство, что меня преследует тот, кого я не вижу. Диана говорит, что это еще одно мое психическое расстройство на нервной почве, но я не верю.

Преследование реально.

Иногда я оборачивалась и видела фигуру в черном плаще, которая всегда таинственным образом сливалась с толпой. Но даже видеть и знать, что подобная фигура следит за тобой, было страшно.

Акселю и Мейсону я не жаловалась. Еще подумают что у меня совсем поехала крыша.

Леденящий душу ужас охватывает меня, когда оборачиваюсь назад и вижу, как за мной следует полностью тонированный и черный Lexus. Боже. Это еще что. Это уже не некто в черном плаще, это тачка в духе Стоунэма.

Так, Леа, успокойся...это всего лишь машина. С чего ты вообще взяла, что они едут за тобой?!

Я остановилась. Автомобиль остановился тоже. Побежала. Lexus помчался за мной, пугая меня еще сильнее. Благо, до дома оставались считанные шаги. Хотя мое ветхое жилище не защитит меня от людей Стоунэма.

Запинаясь и запыхаясь, я сворачиваю к своему домику, открывая скрипучую калитку. Чуть не падаю, шагая по короткой дорожке, и врываюсь домой, замечая в зеркале напротив искры собственного ужаса.

– Лиса, детка, это ты? – слышу усталый голос Рейчел. Пахнет свежим и теплым ужином. Три года назад этот запах радовал меня, когда я приходила домой навестить родителей. Теперь меня от него подташнивает.

– Да, мам. Это я, – раздеваюсь и подхожу к ней, чтобы обнять.

Мама.

Я никогда не чувствовала с ней сильной родственной связи. Родители часто обвиняли меня в своих бедах, потому что в их жизни все пошло наперекосяк, когда появилась я. Диана объяснила мне, почему так. Люди вечно ищут оправдание своим бедам вместо того, чтобы бороться за место под солнцем.

Мои родители просто нашли причину, которая чудесным образом объяснила их неудачи.

А я хотела сделать для них все, потому что чувствовала себя обязанной. За дом, за крышу над головой, за то, чтобы больше не была брошенной.

– Замерзла, – заботливо, но грустно протянула она. – Я поставлю тебе чай, – кивнула, понимая, почему у нее вечно такой обреченный тон. Она не узнает меня. Чувствует, что я чужая. Никакие объятия не помогут нам снова стать родными. А мы ими были? Я не знаю. Но я уважала Рейчел и по-своему любила ее и папу. Не так, как Мейсона. Даже в половину не так.

Они много натерпелись от него. У мамы проблемы с сердцем, у отца нервные болячки. Но теперь все изменилось.

Когда я вернулась домой, то не узнала в этом мужчине, что сейчас сидит на кухне в рубашке и темных джинсах, своего разгильдяя-брatца Мейса. За те два года, что меня не было, он не переставал искать меня. Почему его выпустили из тюрьмы ему не сказали, но когда я пропала и перестала отвечать на звонки, Мейс обо всем догадался. Тюрма казалось, пошла ему только на пользу. Видимо иногда человеку нужен сильный стресс, чтобы встать на путь истинный. Так и случилось с Мейсоном – он превратился в мужчину из мальчишки, что подрабатывал на заправках, и еще Бог знает где, чтобы купить себе травы или потусить с друзьями.

Мейсон по полной использовал деньги, что достались от Ясина. И купил небольшую автомастерскую. Не знаю, как ему это удалось, но теперь, спустя два с половиной года, таких мастерских у нас несколько. Еще в Квинсе и Бронксе. Можно сказать, мой брат теперь настоящий бизнесмен. И даже наш затхлый домик стал выглядеть более менее прилично. Мейс жил в квартире недалеко и много раз предлагал переехать родителям, но они упорно отказывались принимать его подарок. Они до сих пор не верят, что Мейс изменился, и все его деньги заработаны честным путем.

Не знаю. Думаю, бизнес приносит ему неплохую прибыль, у меня пока нет причин подозревать его в чем-то незаконном. Думаю, Мейсон больше не хочет в тюрьму.

– Привет, детка. Ты чего так запыхалась? Бежала? Я же сказал мне позвонить! Я бы встретил тебя у метро, – смотрю в теплые глаза карего цвета, и чувствую, как мое сердце заплывает теплотой и нежностью. Хотя это его «детка» напрягает меня. Не очень приятно слышать это из уст брата. Мама напряженно хмурит брови.

– Тут пройти три минуты, Мейс, – я обреченно падаю на стул, бросая руки на столешницу. Он тут же берет их в свои.

– Замерзла, – гляжу на Мейсона и невольно горжусь им. Он так изменился. Вместо неотесанных паклей на голове теперь аккуратная стрижка, гладковыбритое лицо. Он стал более холемным, ухоженным. От него пахнет неплохим парфюмом, и я знаю, что некоторые девушки специально ломают свои машины, чтобы лишний раз заехать в его автомастерскую. Конечно, мой брат далеко не Кай Стоунэм. Нет в нем этой чудовищной опасности и породы, в принципе ее и ни у кого нет. Кай единственный и неповторимый. Но его изменения радуют меня, и отчасти мне даже кажется, что я не зря «продалась», чтобы спасти брата.

Мы ужинаем в молчаливом напряжении. Каждый наверное думает о своем, я чувствую взгляд Мейсона на себе, хоть и смотрю в тарелку весь вечер. Будто слышу мысли матери, которая наверняка не узнает свою дочь.

И снова погружаюсь глубоко в себя, вспоминая и вспоминая...сама не знаю, что хочу найти в своей душе. Она разбилась на осколки, и каждый осколок я хожу и лелею. То протираю до гламурного блеска, то подношу к сердцу, чтобы нанести ему раны воспоминаниями о Кае.

Я не могу иначе. Пока не могу.

Я завела анонимный блог в интернете и начала выкладывать туда нашу с Каем историю. По крайней мере, тяга к письму вернулась.

Многое, что я записывала в дневнике, который Кай подарил мне, теперь оказалось и в моем «горе-романе».

Какие только комментарии я не получала. Все эти девушки думали, что моя книга выдумка и, несмотря на это, обливались слезами, читая все те ужасы, что я перенесла. Критиковали главную героиню моего романа за слабость и за (дословно) «влажность трусов, при виде этого ублюдка», ненавидели и любили Стоунэма за его власть и жестокость.

Не было однозначных мнений. Но они много не знали, чтобы понять ВСЕ. Я описала в блоге все самое эмоциональное и болезненное, оставляя при себе некоторые моменты из наших с Каем вечеров.

Жаловаться мы все любим. А нежность, которую дарил мне порой Кай, я берегла и лелеяла, желая, чтобы эти воспоминания были ТОЛЬКО мои. Они только наши.

Воспоминание вспыхивает, ослепляет мой разум, целиком и полностью перенося мое тело в прошлое. На год назад в чудовищный особняк, в коробку, где я провела столько времени.

– Красивая, моя нежная кошечка, – я лежу на подушках и смотрю на Кая, расположившегося меж моих бедер. Мы оба обнажены. Не только физически, но и духовно.

Это был один из тех вечеров, когда он не связывал меня, не доставал ремень даже когда я просила. А я, представьте себе, просила. Меня заводило и связывание, и ремень, и прочие грубости – мешало только чувство стыда, которое навещало меня после полученных удовольствий.

Мы были просто вместе. Без масок и подручных средств для секса. Нам было достаточно «нас».

– Маяяю, – сладко протянула я, чувствуя в своем теле отголоски пережитых за ночь оргазмов. Последний он подарил мне, приласкав ртом. Я всегда удивлялась тому, как Кай это делает. Будто для него это награда – вкушать, пробовать меня. Его язык никогда не был груб, может быть, только слегка ненасытен. Но очень чувственен. Я даже от подруг никогда не слышала, чтобы их парни делали это с таким удовольствием. Но с Каем все было иначе. Он мог заставить меня стоять перед ним на коленях, но и сам опускался к моим ногам. Иногда.

– Повтори, – хихикнула, зарывшись рукой в его волосы. Губы Кая нежно заскользили по моему животу, осыпая короткими поцелуями.

– Красивая киса. Ты вкусная девочка, знай это, – он облизнул свои губы, и я выдохнула, иступлено застонав. Я возбуждалась только от одного его вида. – Очень, очень вкусная. Я съем тебя когда-нибудь.

Он начал подниматься ко мне вверх с поцелуями, не пропуская ни единого синяка, что оставил сам. Будто бы извинялся...или я себе это надумала. В любом случае его нежность убивала меня не меньше, чем грубость и доминирование. Даже больше.

– Я перестарался, – он замирает на синяке под ребрами, и я даже слышу в его голосе сожаление. Поднимается к моей груди, ласково обводя языком соски и заставляя их вновь затвердеть. Судорожно выдыхаю. – Такие маленькие. Мои любимые сладкие ягодки.

Я уже не могу сдерживать новой порции стонов и прогибаюсь, желая слияния наших горячих тел.

– Съешь меня, – промурлыкала, когда он наконец добрался до моих губ, не оставляя без нежности и замученную шею. – Съешь меня, Кай.

Он плавно скользит по воздуху губами, над моими. Делает вид, что вот-вот набросится с поцелуем, но на деле даже не касается губ. Я тянусь к нему, Кай отстраняется и расплывается в лукавой улыбке.

– Это ты меня хочешь съесть, киса. Еще вчера проклинала меня, а теперь поцелуя ждешь?

– Да ну тебя, – обиженно дую губы, опускаясь обратно на подушки. Кай тут же приближается ко мне, обдает горячим дыханием, который провоцирует мои губы раскрыться. Медленно проникает меж губ языком. Он не ест. Он пробует, смакует. Не могу не отвечать ему. Потому что когда он целует... целует так... он складывает передо мной все свое оружие. Встает на колени, преклоняет голову. И вот уже он мой раб, готовый ради меня на все, что угодно.

Как я это вычислила? Я просто это чувствую. Поверьте, если бы вас ТАК целовали, вы бы сразу все поняли.

Я знала одно: у Кая есть ко мне сильные чувства, которые другим и не снились. Но признать ему их все равно, что дать мне в руки пистолет и позволить выстрелить ему в самое сердце.

– Лиса, ты здесь? – Мейс щелкает перед моими глазами пальцами, я подскакиваю из-за того, что он прервал мой выход в астрал.

– Да-да, просто засыпаю, – я отпиваю из кружки и понимаю, что чай уже давно остыл, а мама ушла спать. Сколько я пробыла в забвении?

– Может, поиграем в приставку? – и это говорит мне новоявленный «бизнесмен», который пытается быть серьезным. У Мейсона заразительная улыбка, но свою мне приходится натягивать.

– Только немножко. Мне завтра рано вставать. Буду стучаться в новые редакции, которые закрывают передо мной двери, и пойду в приют, – мы идем в комнату Мейсона, которая раза в три больше моего чуланчика, и устраиваемся на подушки перед телевизором. Компьютерная игра помогает уйти от реальности и воспоминаний. Мы жуем всякие вредности, постоянно подкалывая друг друга на тему игры, и мне почти... хорошо. Правда. Мейсон опускает шутку по поводу манеры моего вождения в GTA, и мне даже удается искренне рассмеяться.

А потом наступает ночь, и я знаю, что брат видит по мне, что я собираюсь снова впасть в транс, сотканный из тоски и боли. Но я ухожу от Мейсона, мечтая остаться наедине с собой.

Я знаю, что должна думать о кровавом плане мести по отношению к Каю, но у меня не получается. Больше нет. Первые три месяца я каждую ночь выкалывала его тело воображаемыми иглами, тысячу раз пускала ему пулю в лоб, позорила его перед всей страной, выдумала миллионы разных способов отомстить ему. Представляла, как он царапает стены в тюрьме подобно тому, как я скребла оконное стекло своей коробки.

Как он страдает, трахая других женщин, ни в одной из них не находя меня. Как он страдает, зная, что я никогда не прощу его...

Но сейчас я думаю о другом. Я придумала новые причины почувствовать боль. И одна из них – это полнейшее затишье. Прошло двенадцать месяцев. Целый год. И что? И ничего. От Стоунэма не слуху, не духу, словно ему плевать на меня. Словно меня и вовсе не было в его жизни.

Ни угроз, ни записок, ничего кроме этой машины, что следила за мной сегодня. Кай переживал и выплюнул меня.

А я? Как быть мне?

И почему я переживаю в то время, как должна радоваться возвращению к жизни? Ведь этого я и хотела. Об этом я мечтала первое время, когда оказалась у него.

Я должна быть счастлива, что Кай оставил меня в покое. Но я глубоко несчастна, потому что он... забыл меня.

Забыл свою кису. Забыл ту, кому говорил, что никому и никогда не отдаст. Говорил, что я только его. Что я забралась к нему по кожу, и буду там вечность.

Вечность оказалась короткой.

Я сама себе противна и отвратительна за эти мысли. Честно. Девушки, читающие мой блог, постоянно осуждают мои противоречивые мысли. И я с ними согласна.

Но они не понимают. Они не испытывали подобных взлетов, как и подобных падений. У них спокойная, размеренная жизнь, и я счастлива за них. Но такая жизнь – не для меня. Я всегда искала себе приключений на задницу, собирала грязные сплетни, писала жуткие вещи, чтобы словить дозу кайфа и адреналина.

Я просто другой человек, жаждущий остроты, перчинки среди людей, что живут по принципу «работа-дом». Мои запросы к чувствам ненасытны и необузданны.

Наконец, я засыпаю, чувствуя легкую тяжесть на своей шее – я не снимаю подарок Кая. И я не продам его несмотря на все, что у нему чувствую. Это мой ошейник. Это его рука. Рука, что поднимала меня выше небес и опускала в подземные пещеры.

А вы когда-нибудь их видели?

Они чудовищно прекрасны и загадочны в своем мрачном великолепии. И однажды, побывав в одной из таких пещер, вы обязательно захотите вернуться туда. И будете возвращаться снова и снова, несмотря на то, что под землей тяжело дышать, а на любом камне можно поскользнуться и переломать себе кости.

Глава 3

Кай

(остров Бали)

Я пробовал все подряд – то, что должен был попробовать давно.

Психотерапия, лекарства, гипноз.

Это превратилось в ад, бесконечные скитания по руинам своей же души.

Пил, курил, уходил в небытие и снова возвращался. Забросил работу, оставив за главных своих помощников, которые могли разрушить нашу «Stone Industries». Но мне было плевать. Я хотел избавиться от Демона.

Пробовал взбираться на Синай, пока не узнал о Бали и Итани. Здесь ее называли жрицей, целительницей человеческих душ. Итана не была панацеей от Демона, но я должен был перепробовать все. ВСЕ.

Итана была профессионалом по гипнозу и выходу в астрал. Грубо говоря она олицетворяла собой все, что я так долго презирал – шаманка, зарабатывающая на людях, которые приходят к ней за помощью. Отчаянные.

Она предсказывала будущее, но я всегда останавливал женщину, когда она открывала рот, чтобы раскрыть мое.

Бали прекрасный остров, чтобы почувствовать единение с природой. Здесь я ощутил то самое «прикосновение Бога» во второй раз.

Мои ладони упираются в пол, как и голова. Ноги подняты вверх, строго перпендикулярны полу. Вдох. Выдох.

В нос ударяют пряные запахи ароматических свечей.

Не думать о Лейле, когда вспоминаю о свечах. В ванной. В которой она утопилась из-за меня. Не думать о Лейле.

Просто оставить девочку в покое. Просто отпустить.

Мне почти удастся найти идеальное душевное равновесие. Итана говорит, что когда стою ровно и прямо, и мои ноги не тянет то в одну, то в другую сторону, я нахожусь в балансе. В гармонии с самим собой.

Несколько недель ушло на то, чтобы я изучил это искусство. На Бали куда легче держать своих демонов на коротком поводке. Демон ушел в глубокую спячку. Еще бы, после такого-то отрыва. Если бы не редкие, минутные провалы в памяти, которые не несли за собой прежних ужасных последствий, я бы считал себя полностью здоровым.

Но нет. Дракон спит, но это не значит, что он не проснется при малейшем шорохе.

– Опускайся, – тихо шепчет Итана. Напрягая мышцы всего тела, я медленно опускаю ноги. Сажусь на небольшом ковре, глядя этой мудрой женщине в глаза. Она старше меня. Ей около пятидесяти. Но выглядит она очень молодо – Итана самая известная на Бали предсказательница и целительница. Я ее не искал. Она меня нашла.

И да. Я ее трахаю. Хотя кто еще кого трахает. Я не уверен, что то, чем мы занимаемся можно назвать сексом...по крайней мере сексом и трахом, к которому я так привык.

Во время пустого секса один партнер истощает другого. Так говорила Итана. Выпивает до дна, желает получить что-то взамен. Мужчина хочет скорее кончить. Женщина каждый раз борется за оргазм особенно с неумелым любовником. Оба эгоисты. Когда партнеры любят друг

друга, такой процесс еще можно назвать взаимопользным энергообменом, но когда это просто удовлетворение собственной похоти – издевательство над собственным телом.

Итана считает, что мне трудно это понять. Но уже после первого раза, как мы занялись тантрическим сексом, я понял что к чему. Это какой-то транс. Очищение.

Не думал, что скажу это, но это не похоть. Это взрыв не в теле, а в голове. Нет, скорее в духе. После такого я почувствовал, что смогу свернуть горы, и...это незабываемо.

К Итане я чувствовал глубокое уважение.

Даже сейчас, когда она сидит напротив меня абсолютно голая и женственная, и начинает глубоко дышать в унисон со мной, чтобы приступить к процессу, я не разглядываю ее тело. Посмотреть там есть на что. Я гляжу ей только в глаза.

Она учит меня спокойствию. Гармонии. Но это не значит, что я не выхожу из себя. Поэтому мне приходится так долго настраиваться каждый вечер. Днем я катаюсь на серфе, по вечерам влезаю в пьяные драки, думая о девочке, что находится за тысячи километров от меня. Мне пришлось отказаться от алкоголя из-за лекарств. Я выматываю себя, как могу, физически. Настолько, чтобы быть не в силах драться с Итаной.

Настолько, чтобы быть не в силах думать о Леа. Чтобы не искать с ней встреч, не возвращаться в штаты и не преследовать ее до конца дней. Это слишком опасно. Демон может убить ее.

Я этого не вынесу.

Отпустить. Отпустить...вдох. Выдох.

Но я не могу отпустить. Все внутри меня рвется и тянется к Леа, и пусть это звучит отвратительно, учитывая, что я трахаю других женщин. Но мне плевать. Через мой член могут пройти сотни, тысячи женщин, но в сердце всегда будет только Леа. Первая любимая женщина и последняя.

Она моя жизнь. Я осознал это только сейчас, когда потерял и сломал ее. Может, Египет и гора таки пошли мне на пользу.

Каждый день мне приходится бороться с самим собой. Между выбором. «Отпустить с миром, дать моей девочке быть счастливой с нормальным мужчиной» и «вернуть, привязать к себе, любить, оберегать, никогда не покидать. И никому не отдавать. НИКОМУ».

Когда по вечерам я заваливаюсь к Итане в хижину на берегу океана, она делает мне расслабляющий массаж, выискивая на теле специальные точки. Чертова ведьма.

Я погружаюсь в эйфорию, позволяя себе мельком все-таки взглянуть на Итану – длинные каштановые волосы и изрисованный хной лоб, руки, и все тело.

Она умеет держать на себе мое внимание. Околдовывает, но ненадолго.

В остальные дни, часы и минуты не проходит и мгновения, чтобы я не думал о Лейле.

В воспоминаниях о ней я не нуждаюсь. Она живет во мне. Всегда. Вечно.

И прекрасно осознав за эти месяцы скитаний, какой я ублюдок и мразь, все масштабы своей порочной души, я не могу отрицать, что впустил ее в свое сердце. Я люблю, Леа.

Люблю.

И я не знаю, нужна ли мне жизнь без нее.

Есть ли смысл?

Лейла

В моем чулане стало по-божески за эти три с половиной года. Очень тесно, но чисто. Стены стали белые правда, как в психушке...но я не там, и на этом «спасибо».

Я сильная. Я справлюсь.

Просыпаясь утром, я каждый день обещаю себе, что вот сегодня начну новую жизнь. Без мыслей о Кае. Пока чищу зубы и умываюсь, почти держусь, думая о детках в приюте. А потом... вспоминаю Энджи. Сидящую у Кая на руках. Вспоминаю, как он был ласков с девочкой.

Вижу любовь этого монстра, и сердце обливается кровью. Как там моя Энджи? Думает ли она обо мне? Скучает?

Хочу вернуться...

Так. Стоп. Хватит. Остановись, Леа. Не забывай пистолет у виска и истинное лицо Стоунэма.

Мейсон отвлекает меня за завтраком, родители разбрелись кто куда. Мама в парк на прогулку с подругами, отец с друзьями. Выходной, но только не у меня.

– Ты сегодня тоже отдыхаешь?

– Мм, нет, – Мейсон потягивается и зевает, отправляя в тостер два квадратных ломтика хлеба. На нем лишь спортивные штаны.

Он светит перед сестрой своим обнаженным торсом. Зачем?

У Мейса красивое тело. Всегда было таким. Рельефные кубики, подкаченные руки.

Брат пристально разглядывает меня в ответ, но, к счастью, я уже в длинной юбке и бирюзовой рубашке, застегнутой на все пуговицы.

– Я просто пойду попозже. Давно уже сам себе хозяин. Даже не верится. А ты? К детям?

– Да, – киваю, вновь думая об Энджи. – Каждый раз захожу туда и вспоминаю свое детство. Как чувствовала себя брошенной. Я такой и была, Мейс. Даже сейчас я не вижу, что родители скучали по мне эти два года. Они ДОЛЖНЫ были скучать, и видимо делали вид, ведь это правильно – «убиваться по своей пропавшей дочери». Но я не верю. Я никому не нужна, кроме тебя...

Даже Каю Стоунэму. Двенадцать месяцев молчания. Хоть бы свое злое и едкое черкнул что ли...

– Малышка, уймись. Ты мне нужна, да. Ты удивительная. Многим нужна. Мужики по тебе слюни пускают, но пусть только попробуют тебя использовать. Зарежу, – шипит Мейс, обнимая меня. Неловко как-то прикасаться к его голому телу. Я вообще не уверена, что смогу контактировать с каким-либо другим мужчиной, кроме Кая.

Мейсон не знает правды. Всей правды. Я сказала ему только то, что была в плену у шейха, а потом он отпустил меня. Ни к чему ему знать. Еще полезет на Кая с ножом. Боюсь, мой любимый брат проиграет в этой кровавой битве.

Каким бы сильным не был Мейсон, со Стоунэмом ни у кого нет шансов на победу. Либо я пока с таким человеком даже заочно не знакома.

Прощаясь с Мейсом, я выхожу из дома, натягивая на себя улыбку. Вставляю наушники, приготовившись грустить под сопливую музыку пока иду до метро. Но, как только выхожу на улицу, мое сердце пропускает, кажется, десятки...сотни ударов. А потом пускается вскачь, посылая импульсы, полные огня и жизни, по венам. Потому что то, что я вижу, мог сделать только один человек.

На мое лицо падают лепестки красных и белых роз. Выдуваются из какой-то непонятной штуковины, установленной на крыше. В лепестках все – дорожка, забор. Их здесь тысячи, сотни тысяч.

Растерянно иду вперед, глядя на цветы – идеальные, свежие, благоухающие, красивые. Волшебные.

Закрываю за собой скрипучую калитку.

Это больше, чем безумие. Цветами украшена ВСЯ улица. ВСЯ!!!

Не понимаю...

Еще вчера поздно вечером здесь не было не единого цветочка. Я достаю из корзины одну белую розу и задумчиво вдыхаю ее аромат, глядя на то, как серая унылая улица нашего района превратилась в мираж, нереальную картинку.

Он помнит. Кай...

Слезы подступают к горлу, жгучая волна ненависти бьет меня прямо в сердце. На дороге лепестками выложено слово «ПРОСТИ».

Мои руки трясутся. Я ломаю белую розу на части. Крошу стебель на куски, стирая бутон в пепел.

Я безжалостна и зла.

Топчу лепестки и стебель ногами, обсыпая ЕГО проклятьями.

– Мерзкое отродье, – шиплю, пиная лепестки из слова «прости». – Гребанный мерзавец! Иуда! Думаешь, «прости» и цветочки твои нужны мне?! – ору во все горло, понимая, что бужу всех соседей, которые были намерены поспать в свой выходной. – Выходи! Выходи, мерзавец, и посмотри мне в глаза!! Дай в руки нож, а лучше пистолет! – кричу я, добавляя шепотом. – Встань на колени, на гребанные осколки, и сделай то, что заставил делать меня... Урод! Я тебя ненавижу! – слезы льются сами собой. Живые и горячие ручьи полные жизни и ненависти. Они обжигают мои щеки, и я понимаю: чувствую. Я чувствую! Ох, как сладка эта ненависть... не хватает только Стоунэма, его тела прямо здесь. Но не для нашего слияния, а для того, чтобы я выпарапала ему глазницы, содрала кожу живьем! Сделала все то, что он творил со мной! Ненавижу!

Уничтожаю слово «прости» и иду вперед, попутно выхватывая цветы из корзин. Каждую, что попадает в мои руки, кромсаю на кусочки! Думает цветов достаточно?! И миллионов не хватит, чтобы перечеркнуть прошлое. Ничего не хватит.

– Оставь меня в покое! Мне прекрасно жилось без тебя, подонок! Тварь! Гребанный маньяк..., – рыдаю, держа в руках бедную розу. Мне нравится ломать эти ни в чем невиноватые цветы.

Некоторые прохожие, что встали с утра пораньше, чтобы выгулять своих животных, озадаченно осматривали обстановку на улице, а потом глядели на меня, не понимая, что здесь происходит.

Мейсон завалит меня вопросами, на которые у меня нет ответов. Надеюсь, он не подумает, что вся эта прелесть для меня.

«Прости».

Засунь свое «прости» себе в задницу, ублюдок!

Я останавливаюсь в концы улицы и сквозь пелену слез гляжу на дорожку из лепестков и сломанных стеблей, которые оставила после себя. Сильный ветер поднимает их, они слегка взлетают над асфальтом и убегают от меня и моей ненависти подальше.

Просто забыть. Забыть это. К вечеру здесь все уберут, и весь этот театр от Кая покажется мне дурным сном.

– Привет, Мелисса, – кивнула мне одна из соседок, пробегая мимо. Одарила пластиковой улыбкой, явно пытаясь приободрить меня. – Чего плачешь? Боже, какая красота! Для кого это, интересно? Наверное, он безумно влюблен. Такое я даже в кино не видела! – и она побежала дальше, потому что на самом деле не хотела знать, почему я плачу.

Я улыбнулась ей в ответ, задумчиво помахав вслед рукой.

Это точно. Не думаю, что найду еще одну девушку в мире, ради которой мужчина делал подобное. Как и не найду ту, которую этот же мужчина прилюдно унизил и раздавил в «Зале Порока».

Кай думает, что я должна растаять, хлопать в ладоши, потому что он выкинул денег людям, которые организовали эту красоту? Он в руках не держал не единого цветка, что валялся на асфальте. Лицемер. Чудовище.

Меня трясет, все органы внутри вибрируют, наполняются жизнью. Сердце стучит в висках, как бешенное. Я выгляжу как утопленница, возвращенная к жизни искусственным дыханием. Все эти двенадцать месяцев я была утопленницей. Проекцией, застрявшей между реальной жизнью и забвением.

Ненависть греет меня изнутри, возгорается. Радостно пылает в каждой клетке тела...
Сплошные противоречия.

Сотни чувств одолевают разум и душу. Желание убить Кая, и радость от того, что он помнит меня. И страх. Что все вернется. Зуд на кончиках пальцев от того, что встреча с ним, возможно, ближе, чем я думала...

Ох.

Вздрагиваю перед тем, как войти в метро, почувствовав вибрацию телефона в кармане пальто. Мейс наверное. Напоминает, чтобы я купила молока и хлеба на ужин.

Как бы не так. Сообщение от неизвестного... точнее от того, кто в представлениях не нуждается. Сам Царь написал.

«Киса, доброе утро. Нравится?! Я был вчера у твоего дома. Искушение подняться в твою комнату было слишком велико. Я дал тебе время прийти в себя. Не хотел возвращаться, ты меня вынудила. Мне больно смотреть на то, как ты увядаешь с каждым днем, как огонь, который я разглядел в твоих глазах, тускнеет. Скоро он совсем исчезнет. Признай это, Леа. Ты не можешь без меня, а я пытался найти себя без тебя, но не нашел. Я вернулся, Леа. Ты зла, моя кошечка. Но обещаю, что уже через месяц ты будешь гореть в моих руках. Там твое место. Рядом со мной. До скорой встречи, Леа. Я вернулся».

Бл*дь.

В моей голове промчались трехэтажные маты, руки заходили как у ненормальной, я чуть не выронила телефон, пока это читала.

Да что там телефон, я чуть сердце из груди не выронила...

Что теперь будет? Что?! Как мне избежать Кая и его кары?! Куда скрыться, спрятаться? Нежели придется просить защиту у Кристиана, который только этого и ждет? Ждет момента искупить вину передо мной.

Меня некому защитить кроме Мейсона и Акселя.

Боже, как я глупа. От Стоунэма меня даже смерть не спасет. Он меня везде достанет... если захочет.

Я вытерла слезы рукой, глядя на отпечатки черной туши на своих пальцах. А потом улыбнулась. Медленно так, по-дьявольски.

Он помнит. Кай Стоунэм помнит меня. И он... вернулся.

Воспоминание

– Кай, твой рейтинг упал на 15 % после вчерашнего скандала в прессе, и он продолжает падать. Блейк уже вырвался вперед, – констатировал факт мой помощник Чарли Лэндон, кидая мне на стол статистику за последний час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.